

DOI: 10.15372/HSS20170102
УДК 94(571.1/.5)."1917.03.03/1917.03.10"

М.В. ШИЛОВСКИЙ

ПЕРВАЯ НЕДЕЛЯ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В СИБИРИ (3–10 марта 1917 г.)

Институт истории СО РАН
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8.
Новосибирский государственный университет,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2

В статье анализируются основные процессы в общественно-политической жизни региона в первой декаде марта 1917 г. В указанное время в городах и других поселениях (железнодорожные станции, горняцкие поселки), расположенных на железных дорогах, были отстранены от власти руководители органов местного государственного управления и началось создание общественных управленческих структур, а также организаций политических партий. Промежуточные итоги подвели 10 марта, в ходе празднования дня Свободы.

Ключевые слова: Февральская революция, Сибирь, губернаторы, комитеты общественной безопасности, отречение царя, военно-служащие, политические ссылки.

M.V. SHILOVSKY

THE FIRST WEEK OF THE FEBRUARY REVOLUTION IN SIBERIA (March 3–10, 1917)

Institute of History SB RAS
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russia
Novosibirsk State University,
2, Pirogov str., Novosibirsk, 630090, Russia

February of 1917 in Siberia, like in Russia, showed no signs of any powerful cataclysm. Law enforcers (gendarmes, policemen) stated that in the territory under their jurisdiction "anti-governmental organizations showed no signs of activity..." Information about the events in Petrograd was spread via telegraph across the cities, railway stations, settlements, villages and volosts located along the Omsk, Siberian, Transbaikal, Altai, Kolchugino railroads. Governors were dismissed from their positions along with commanders of the Omsk and Irkutsk districts, garrison commanders, while the gendarme officers were arrested. Dismissal of tsarist authorities was paralleled by establishment of various public committees (Committees of Public Security), Soviets of workers' and soldiers' deputies, organizations of political parties (RSDRP, PSR, PNS). Local government bodies at the provincial, oblast and uyezd levels were headed by Commissars appointed by the Provisional government. For the most part they were appointed from among the most respected and active members of local communities and leaders of Committees of Public Security. In early March, 1917 the most active social groups included the middle-income urban dwellers, the military, workers and political exiles. They played a dominant role in the political process constituting the social basis for the Committees of Public Security and Soviets as well as for political organizations. By the early 1917 owing to the system of political exile teams of highly professional political technologists had been formed in many Siberian cities where they actively worked later on. The outcomes of the initial stage of the February social cataclysm were summed up on March, 10, 1917, the so-called Revolution Day. It was marked by public prayers, military parades, mass demonstrations and gatherings. Thus, events during the first week of March, 1917 affected only a small part of population, mostly in cities.

Key words: February Revolution, Siberia, governors, Committees of Public Security, abdication of the Czar, the military, political exiles.

Михаил Викторович Шиловский – д-р ист. наук, профессор, Институт истории СО РАН, Новосибирский государственный университет, e-mail: istorik.novosib@gmail.com.

Mikhail V. Shilovsky – doctor of historical sciences, Professor, Institute of History SB RAS, Novosibirsk State University.

Социальный катаклизм 1917 г. современная политическая элита, как я отмечал 10 лет назад [дать ссылку], пытается позабыть, замолчать: «Революции из локомотивов истории с помощью СМИ пытаются трансформировать в общественном сознании в бессмысленные и беспощадные бунты, возглавляемые “безродными” маргиналами в лице купленных на немецкие деньги большевиков и жидомасонов» [1, с. 61]. Историографическая ситуация в отношении упомянутого выше события за последние 25 лет кардинально изменилась. Существенно уменьшилось количество работ, изменилась их проблематика в сторону усиления внимания к оформлению многопартийности в регионе и борьбе за власть различных политических объединений. Преодолевается стереотип рассмотрения событий того времени через призму гегемонии большевиков и возглавляемых ими Советов.

Особое место среди публикаций последнего времени занимают работы В.Г. Кокоулина [2; 3; 4; 5; 6]. Не пытаясь дать им общую оценку из-за масштабности хронологических рамок, заметим, что изучаемый мной период присутствует в каждой из них. По форме сочинения представляют собой хронику событий, сопровождаемую пространными авторскими комментариями, с большим количеством лакун и слабой аналитикой. Зачастую используются клише, такие как: «Последним событием 1916 г., которое привлекло внимание томичей [омичей], было убийство Г.Е. Распутина» [3, с. 9; 6, с. 7]. Вместе с тем В.Г. Кокоулин собрал и систематизировал колоссальный фактический материал, который позволяет отслеживать основные тенденции развития и повседневной жизни горожан Западной Сибири в конце февраля – начале марта 1918 г.

Другой характерной особенностью последнего времени стало введение в научный оборот большого массива источников, в том числе личного происхождения, хроник, исследований по различным аспектам повседневной, социально-экономической, общественно-политической и культурной жизни Сибири рассматриваемого периода. Цель моего «вторжения» в изучение событий последних дней февраля – начала марта (до 10-го числа, когда торжественно отмечался «праздник революции») заключается в выявлении основных процессов, четко проявившихся в этот период.

Что касается предпосылок революционного коллапса начала 1917 г., то в двух моих монографиях [7, с. 19–32; 8, с. 315–329] можно найти соответствующие выводы. Считаю, что «перелом в общественных настроениях наступил во второй половине 1916 г. Российское общество, в том числе на региональном уровне, надломилось после вступления в военные действия и разгрома Румынии, что потребовало создания еще одного фронта и переброски в образовавшуюся «дыру» значительных воинских контингентов. Локальные сообщества, в том числе Азиатская Россия, в ситуации системного кризиса были обречены на кардинальную трансформацию основополагающих структур и принципов функционирования, и они уже начались в рассматриваемое время» [8, с. 328].

«Вдогонку» к ранее сказанному хочу добавить следующее относительно предпосылок. Я солидарен с основополагающей точкой зрения Г.М. Карнаухова на то, что «ни февральская, ни октябрьская, ни колчаковщина в житейский уклад изменений почти не внесла»¹. В ежемесячных донесениях местных жандармов в Департамент полиции МВД однообразно воспроизводились заключения, которые я цитирую из отчета Иркутского губернского жандармского управления (ГЖУ) за январь 1917 г.: «В течение отчетного месяца деятельность организаций не проявлялась, революционных изданий они не издавали, своих типографий не имеют, наружного наблюдения за ними установлено не было»². Некоторые слабые подвижки на подведомственной территории фиксируют в 1916 г. томские жандармы. В августе применительно к населению Новониколаевска констатируется: «В интеллигенции свободных профессий и примыкающей к ней полуинтеллигенции, главным образом, служащих в банках, в торговых предприятиях и проч. замечается некоторый поворот к тенденциям социал-демократического направления. Подобный поворот объясняется сильным развитием в Сибири кооперативов, которые, несомненно, являются кадрами подготовки так называемых “сознательных”». Томский уездный исправник в донесении за сентябрь следующим образом определял состояние общественно-политической жизни в уезде: «В области общественной деятельности застой, не говоря уже о разного рода специальных, просветительных организациях..., организации преследующие цели войны действуют не с тем размахом, работа стала выполняться спокойно и не так резко бьет в глаза»³.

Наконец, 18 января 1917 г. начальник Томского ГЖУ, полковник Субботин доносил в особый отдел Департамента полиции, что «во вверенном мне управлении получены непроверенные формальным порядком сведения о том, что выпускаемые в последнее время различного рода прокламации и воззвания, призывающие к прекращению войны и требованию мирных переговоров, издаются отдельными группами лиц, принадлежавших к левым партиям. Целью выпуска такого рода прокламаций является желание левых элементов вызвать взрыв общественного негодования и негодования армии, причем, если его удалось вызвать, то таковое можно было использовать в целях ниспровержения ныне существующего Государственного строя»⁴. Как установил В.Г. Дорохов, к февралю 1917 г. это управление «уже перестало владеть не только всей полнотой информации по Томской губернии, но и вообще ситуацией. Достаточно сомнительно выглядит возможность взятия силами ТГЖУ под контроль всех ключевых пунктов губернии, если учесть тот факт, что на февраль 1917 г. общая чис-

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-75. Оп. 1. Д. 144. Л. 37.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102 ДП ОО. Оп. 1917. Д. 9. Ч. 27. Л. В.

³ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 3. Д. 6928. Л. 135, 138.

⁴ ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. Оп. 1916. Д. 20. Ч. 81. Л. 2.

ленность служащих жандармского управления находилась в пределах 50 человек» [9, с. 277].

Прежде чем анализировать события в рамках избранного временного интервала, определимся с хронологией Февральской революции в Петрограде и каналами поступления информации о них в Сибирь. Как известно, массовые волнения в столице начались 23 февраля 1917 г., а 27 февраля вооруженное восстание здесь победило. В ночь на 28 февраля за подписью М.В. Родзянко была составлена и разослана телеграмма о том, что Временный комитет членов Государственной думы «нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка». 28 февраля состоялось первое пленарное собрание Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. 2 марта в Пскове от престола отрекается Николай II. 3 марта Временное правительство впервые собралось в Таврическом дворце. Оно же назначило на 10 марта празднование Дня революции как всенародно торжественное освящение свершившегося.

Информация о происходящем в Петрограде распространялась по трем каналам: официальным средством связи (телеграф), частным телеграммам и по инициативе назначенного в Министерство путей сообщения (МПС) комиссаром А.А. Бубликова телеграмма М.В. Родзянко рассылалась по неконтролируемому цензурой железнодорожному телеграфу по всем железнодорожным станциям. Так, в Якутск известие о революции поступило 2 марта телеграммой Временного комитета членов Государственной думы городскому голове П.А. Юшманову [10, с. 28]. В Иркутске 27, 28 февраля и 1 марта «не получались телеграммы из столицы», поскольку генерал-губернатор А.И. Пильц запретил их доставлять адресатам и обнародовать. 1 марта распространяются слухи о революции или государственном перевороте. «Утверждают достоверно: двое ссыльных получили телеграммы – один из Москвы, другой из Петрограда. Общий смысл известий сводится к следующему: произошли большие события, скоро увидимся». К тому же, по свидетельству политического ссыльного В.Г. Архангельского: «Полученная незадолго перед этим железнодорожным управлением г. Иркутска известная телеграмма Бубликова, сообщавшего о своем вступлении в должность комиссара и просившего содействия железнодорожников и поддержки, вызвала уже в иркутском обществе целый ряд разговоров и предположений».

2 марта приходят сведения телеграфом о совершаемом государственном перевороте и отречении Николая II. «События головокружительные, почти сказочные!», – констатирует местный общественный деятель И.И. Серебrenников [11, с. 231–232; 12, с. 313–314]. В Томске вечером 1 марта стали распространяться слухи об отречении царя. 2 марта здесь и в Новониколаевске были получены телеграммы о событиях в столице и свержении самодержавия [13, с. 110; 14, с. 33].

В Барнауле, согласно воспоминаниям П.А. Казанского, 2 марта на репетицию в здании Алтайского

союза кооперативов женщина принесла копию «известной телеграммы Бубликова к железнодорожникам». «Третье марта прошло спокойно. Новых телеграмм не было, не опубликовывалась и телеграмма Бубликова». Вечером на совещании в биржевом комитете «начальник дороги огласил полученные до этого момента телеграммы, сообщенные ему жандармерией. Все они обращены были от комитета Государственной думы к агентам прежней власти на местах. Это обстоятельство дало повод сомневаться, – произошла ли в Петрограде полная революция, или же дело ограничивается широкой реформой революционного происхождения. В результате совещание дружно решило: ждать выяснения положения». И лишь 4 марта ситуация коренным образом изменилась, и началось формирование комитета безопасности [15, с. 18, 19]. На Кольчугинском руднике 3 марта состоялся митинг, на котором горняки заявили о полной поддержке Временного правительства и потребовали организации суда над царем. На Анжерских копиях 5 марта состоялась демонстрация. «Шествие с перевернутыми царскими флагами с Анжерских копей дошло до Судженских, где на базарной площади состоялся митинг. На митинге был зачитан манифест об отречении царя, выступавшие ораторы говорили о свободе и равенстве» [16, с. 83].

В отношении Омска В.Л. Кожевиным было предпринято микроисториографическое исследование, поскольку, как в случае с Иркутском и Томском, появление первых известий о революции связывалось и с 28 февраля, и с 1 марта 1917 г. Он приходит к обоснованному выводу: «...Полученные известия и порожденные ими слухи создали в городе обстановку напряженного ожидания, которое стало разряжаться после того, как около 7 часов вечера 1 марта в редакции «Омского вестника» была получена телеграмма с текстом воззвания Временного комитета Государственной думы к населению и армии. Содержание телеграммы неопровержимо свидетельствовало о начавшейся революции и придало импульс к формированию в городе новых властных структур» [17, с. 172–173, 174]. Таким образом, в наиболее крупные города Сибири информация о происходящих в Петрограде событиях через все три названных канала связи начала поступать 28 февраля – 1 марта, а неопровержимые свидетельства о начавшейся революции – со 2 марта.

О масштабности ее распространения и воздействия на местные социумы можно судить по материалам хроники общественно-политического движения в Томской губернии (без Алтая). Всего в ней упомянуто со 2 по 10 марта 7 городов (Томск и Новониколаевск ежедневно, с 4-го числа: Каинск, Кузнецк, Мариинск, Нарым, Кольвань), 6 горнодобывающих и заводских поселков (Анжерские, Судженские копи, Кольчугинский, Кемеровский и Центральный рудники, Гурьевский завод), 10 железнодорожных станций (Тайга, Болотное, Боготол, Ишим, Топки, Яшкино, Кривошеково, Тутьальская, Барабинск, Татарская), 23 села и 4 волости в основном Томского, Мариинского и Каинского уез-

дов. Подавляющее большинство объектов находилось в зоне Транссибирской железнодорожной магистрали, Алтайской и Кольчугинской железных дорог. Поэтому можно утверждать, что революционные события первой декады марта 1917 г. имели в Сибири «сетевой» характер и затронули наиболее крупные населенные пункты вдоль железных дорог, а также имеющие доступ к телеграфу [13, с. 33–82].

Образование органов новой власти (КОБов и Советов) заставило их решать в первую очередь вопрос об отношении к функционерам прежних административных структур, прежде всего к губернаторам и генерал-губернаторам. Решался он по-разному. Исполком объединенных общественных организаций Семипалатинска 5 марта единогласно постановил отстранить и подвергнуть домашнему аресту губернатора области Ф.Ф. Чернцова, устранить прокурора, «упразднить навсегда» жандармскую полицию, «подвергнуть немедленному заключению под стражу на гауптвахту уездного начальника Петухова и полицмейстера Покровского». 8 марта губернатора переводят в арестантский дом. 29 мая в определении прокурора Омской судебной палаты указывалось, что «при подавлении киргизского движения военной силой [речь идет о восстании реквизированных на тыловые работы «инородцев» в 1916 г. – *М. Ш.*] применялось с ведома семипалатинского губернатора Чернцова и в некоторых случаях и по его распоряжению, обложение усмиряемых киргиз податью, специально назначенной на возмещение ущерба русского населения и не участвующего в движении – киргизского, и на возмещение расходов по вызову и содержанию карательных отрядов войск, а также для той же цели отбирались лошади и скот некоторых киргиз, принимавших участие в волнениях». В конечном счете, приказом комиссара по Степному генерал-губернаторству И.П. Законова от 10 июня 1917 г. Чернцова увольняют со службы с 1 мая, «согласно прошению, по болезни» [18, с. 14, 15, 374].

В Омске 2 марта Степной генерал-губернатор и командующий Омского военного округа генерал от кавалерии Н.А. Сухомлинов и акмолинский областной губернатор А.В. Колобов заявили о признании Временного правительства. 4 марта на вышке резиденции генерал-губернатора вместо снятого трехцветного, водрузили красный флаг. 7 марта по распоряжению исполкома Совета рабочих и военных депутатов производятся аресты Сухомлинова, Колобова, вице-губернатора Князева, председателя судебной палаты Едличко, прокурора судебной палаты Висковатова, жандармского полковника Козлова, полицмейстера Пузырева и других высокопоставленных чиновников. На следующий день Коалиционный комитет решил Сухомлинова, Колобова, Едличко, Князева и Пузырева под надежной охраной отправить в Петроград, Козлова заключить на гауптвахту, Висковатого освободить. Н.А. Сухомлинов увольняется в отставку с мундиром и пенсией приказом по армии и флоту 31 марта 1917 г. [6, с. 7, 9, 13].

Тобольский губернатор, ставленник Г.Е. Распутина Н.А. Ордовский-Танаевский, получив известие об отречении царя, отдал распоряжение выпустить из местной тюрьмы всех политических, за что получил прозвище «красного губернатора». Передав полномочия комиссару Временного правительства В.Н. Пигнатти, он в 1917–1918 гг. проживал в Тобольске как частное лицо, а потом с семьей эмигрировал во Францию, а затем в Италию. Начальник Томской губернии В.Н. Дудинский 2 марта признал переход власти к Временному правительству и подписал обращение к населению о необходимости выполнения требований Комитету общественного порядка и безопасности. Постановлением этого органа Дудинский 4 марта отстраняется от дел и 31 марта 1917 официально отправляется в отставку. Летом 1917 г. с семьей покинул Томск, участвовал в Гражданской войне на стороне белых на Кавказе. В 1931 г. умер в эмиграции в Белграде [19, с. 453; 20, с. 200].

После свержения самодержавия с семьей выехал из Красноярска последний губернатор Енисейской губернии Гололобов. В Иркутске после неудачной попытки организовать информационную блокаду генерал-губернатор А.И. Пильц вечером 2 марта пригласил в свою резиденцию представителей городской думы, биржевого комитета, кооперативов, общественных и профессиональных организаций, видных политических ссыльных. Он, «объявив о совершившемся в Петрограде перевороте, предложил представителям иркутских организаций обсудить положение дел». При этом заявил: «Я готов служить новой власти, но быть в услужении отказываюсь». Пильц сухо поклонился и «при общем безмолвии ушел из зала...» [21, с. 44]. 4 марта по постановлению исполкома общественных организаций арестовали Пильца, иркутского губернатора А.Н. Югана, вице-губернатора Измайлова, полицмейстера Петровского, сотрудников жандармского управления. Позднее Пильца под конвоем отправили в Петроград [11, с. 232, 234; 12, с. 315].

Затянулось выяснение между старой и новой властью в Якутске. На собрании горожан 4 марта образуется КОБ во главе с политическим ссыльным, депутатом IV Государственной думы, большевиком Г.И. Петровским. По запросу министра внутренних дел Временного правительства Г.Е. Львова он сообщил о положении дел в Якутской области и о создании КОБа, о своем избрании этим органом управляющим территорией. В качестве комиссара области он был утвержден Временным правительством. В этом же докладе сообщалось об отстранении от власти и. о. губернатора, барона Д.О. Тизенгаузена и вице-губернатора Березкина. 5 марта Тизенгаузен и полицмейстер И.А. Рубцов явились на собрание горожан и заявили о сложении с себя полномочий и передаче их КОБу [10, с. 32].

Вместе с губернаторами были смещены начальники гарнизонов, арестованы жандармские офицеры. Из вышеприведенных материалов следует, что негодование народных масс в рассматриваемое вре-

мя было обращено и против полицейских чиновников, но не всех. Томский полицмейстер, коллежский асессор М.П. Шерemet, 2 марта добровольно явившийся в Комитет общественного порядка и безопасности, предложил свои услуги и до увольнения (в начале апреля 1917 г.) помогал в создании новой милиции. Более того, Томский губернский комиссариат представил бывшего главу городской полиции к назначению пенсии [22, с. 107]. В Новониколаевске на заседание КОБа явился местный полицмейстер Бойчевский и заявил: «Буду служить, подчиняюсь новой власти». «Он театрално опустил перед столом на одно колено и сдал свою шапку. Присутствующие заявление полицмейстера встретили бурными аплодисментами»⁵.

В целом спокойно пережили первую фазу социального катаклизма местные приходы Русской православной церкви. Как установила Т.М. Новикова: «Духовенство Восточной Сибири восприняло смену политического строя положительно, активно участвуя в разъяснении событий населению. 5(18) марта архиепископ Иркутский и Верхотенский Иоанн призвал верующих подчиниться новой власти и сплотиться вокруг своих пастырей. Представители восточносибирского духовенства включились в создание новых органов власти (комитетов общественных организаций, комитетов общественной безопасности и т.п.), празднование дней свободы, молебны и панихиды, демонстрирующие лояльность Временному правительству» [23, с. 390].

Одновременно с устранением царских управленцев началось создание различного рода общественных комитетов и советов. 2–5 марта образовались: Омский коалиционный комитет, Забайкальский комитет общественной безопасности (Чита), Барнаульский временный комитет общественного порядка и безопасности, Новониколаевский комитет общественного порядка и безопасности, Красноярский комитет общественной безопасности, Комитет общественных организаций в Иркутске, Комитет общественного спокойствия в Тобольске), аналогичного рода объединения (КОБы) – в Тайге, Черемхово, Якутске, Тюмени, практически во всех городах, крупных железнодорожных станциях, в горняцких поселках.

Они были крайне пестрыми по социальному составу: от крупных капиталистов до мещан, служащих, лиц духовного звания. Так, в организованный 19 марта Комитет общественной безопасности города Верхоянска вошли 19 чел., в том числе: из духовенства – 3, купцов – 4, полицейских – 3, казаков – 2, из интеллигенции – 5, крестьян – 2 чел. [24, с. 113]. Одновременно и параллельно с КОБаами создавались Советы рабочих и солдатских депутатов.

Добросовестно изучив историю возникновения КОБов и Советов, Е.Н. Бабикина пришла к обоснованному выводу: «К концу марта – началу апреля 1917 г. большая часть временных комитетов самостоятельно

или через правительственных комиссаров, ставленников этих же комитетов, сумела установить контроль над деятельностью местных правительственных учреждений, захватив в свои руки денежные средства ликвидированных старых органов и кредиты Временного правительства, создав новые продовольственные органы и собственную гражданскую милицию. Все это, в конечном счете, приводит к тому, что фактическая власть оказывается в руках временных комитетов, а Советы занимают подчиненное в отношении их положение» [25, с. 120].

Основными социальными группами, активно выступившими в начале марта 1917 г., стали средние городские слои, военнослужащие, рабочие и политические ссыльные. Они доминировали в политическом процессе, стали основной социальной базой упомянутых выше КОБов и Советов, а также политических формирований. В глухую оборону ушли предприниматели, хотя имели разветвленную сеть структур и каналов воздействия на общественно-политическую ситуацию. И хотя экстренное собрание членов Томского биржевого комитета 4 марта поддержало совершившийся переворот, уже 6 марта в Томске по поручению КОБа прошли обыски в магазинах В.Г. Гадалова, А.А. Фильберта, Кукушкина с целью изъятия продовольствия и ширпотреба.

В заключение хотелось бы обратить внимание на политическую активность военнослужащих и политических ссыльных. Следствием Первой мировой войны стала организация в регионе разветвленной и многочисленной сети запасных полков. В Омском и Иркутском военных округах к 1917 г. их насчитывалось 27: в Омске, Тюмени, Томске, Новониколаевске, Барнауле, Петропавловске, Кургане, Барнауле, Ачинске, Красноярске, Канске и др. Численность личного состава к февралю этого года в Омском военном округе составила 148 658 чел., в Иркутском военном округе – 72 934 чел. [26, с. 26; 8, с. 49–50]. Помимо высокой политической активности и вовлеченности в общественно-политическую жизнь в местах дислокации полков, в начале марта 1917 г. обозначился нарастающий кризис взаимоотношений во взаимоотношениях офицеров и нижних чинов.

Суть конфликта бывший рядовой 25-го Сибирского стрелкового запасного полка (Томск) Устинов в своих воспоминаниях сформулировал следующим образом: «...Офицеры в то время были большинство из бывших солдат». Но, «после переворота во многих ротах офицеров переизбрали, кто плохо обращался с солдатами, то от них отказались совсем, их не принимали в роту, несколько офицеров, узнав об этом, застрелились»⁶. Однако в списках похороненных на томских кладбищах за март 1917 г. упомянут только один офицер – 9 марта, поручик 18-го Сибирского стрелкового запасного полка Ф.П. Цитович [27, с. 175]. Правда, можно предположить, что в списках упомянуты не все умершие. О массовых расправах с офицера-

⁵ ГАНО. Ф. п. 5. Оп. 1. Д. 84. Л. 26.

⁶ Там же. Оп. 3. Д. 76. Л. 2, 3.

ми в Омске в начале марта 1917 г. пишет В.Г. Кокоулин [6, с. 14]. Его информацию опровергает В.Л. Кожевин, который утверждает: «...Исследователям не известны случаи гибели офицеров от рук солдат на территории Омского военного округа в мартовские дни 1917 г. Единственный случай убийства в частях Иркутского военного округа зафиксирован в Канске. Здесь 4 марта при попытке разогнать солдатскую манифестацию погиб один из старших офицеров» [17, с. 175]. Очевидно, данная проблема требует дальнейшего более тщательного изучения.

Благодаря в основном политической ссылке во многих сибирских городах к 1917 г. сложились, а затем активно действовали, выражаясь современным языком, команды высокопрофессиональных политтехнологов. Так, в Красноярске, стяжавшем в 1917 г. славу сибирского Кронштадта, и надежной твердыни большевизма в регионе, в 1914–1917 гг. отбывало наказание 196 ссыльнопоселенцев, в том числе 111 социал-демократов. По этим показателям он уступал в Сибири только Иркутску (соответственно 562 и 284 чел.). После свержения самодержавия большая часть репрессированных выехала в Европейскую Россию. Тем не менее в Сибири их осталось 1024 чел., и они сыграли важную роль в процессе партийного строительства и борьбы за власть [28, с. 242].

Таким образом, в первую декаду марта 1917 г. в Сибири в городах и поселениях, расположенных на Транссибе и других железных дорогах, были отстранены от власти руководители органов местного государственного управления, началось создание общественных управленческих структур, а также организаций политических партий. Промежуточные итоги подвели 10 марта в ходе празднования дня Свободы. Например, по описанию Н.С. Романова, в Иркутске: «В 12 часов дня после литургии в Казанском соборе на Тихвинской площади торжественный молебен с провозглашением многолетия Богохранимой державе Российской и Временному правительству и вечной памяти павшим в борьбе за свободу. Войска дефилировали перед представителями военных и гражданских властей. Войсковые части прошли со знаменами «Земля и воля», «Да здравствует свободная Россия», «Да здравствует революция». Красный цвет был повсюду» [11, с. 234].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шиловский М.В. К юбилею опальной революции 1917 года // Русская революция в контексте истории: Материалы регион. науч. конф. Томск, 2008. С. 61–71.
2. Кокоулин В.Г. Новониколаевск в годы революции, Гражданской войны и «военного коммунизма» (февраль 1917 – март 1921 г.). Новосибирск, 2010. 400 с.
3. Кокоулин В.Г. Томск в годы революции и Гражданской войны (февраль 1917 – декабрь 1919 г.). Новосибирск, 2012. 312 с.
4. Кокоулин В.Г. Алтай в годы революции, Гражданской войны и «военного коммунизма» (февраль 1917 – март 1921 г.). Новосибирск, 2013. 456 с.
5. Кокоулин В.Г. Повседневная жизнь горожан Сибири в военно-революционные годы (июль 1914 – март 1921 г.). Новосибирск, 2013. 385 с.

6. Кокоулин В.Г. Омск в годы революций: власть, политическая борьба и повседневная жизнь (февраль 1917 – май 1918 г.). Новосибирск, 2016. 404 с.

7. Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск, 2003. 428 с.

8. Шиловский М.В. Первая мировая война 1914–1918 гг. и Сибирь. Новосибирск, 2015. 330 с.

9. Дорохов В.Г. Томское губернское жандармское управление перед Февральской революцией 1917 года // 1917 год в российской и мировой истории. Материалы Междунар. науч. конф. Красноярск, 2007. С. 276–280.

10. Федоров В.И. Якутия в эпоху войн и революций (1917–1919). Новосибирск, 2010. Кн. 2. 359 с.

11. Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск, 1994. 560 с.

12. Серебренников И.И. Претерпев судеб удары. Дневник 1914–1918 гг. Иркутск, 2008. 592 с.

13. Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. Томск, 2013. Т. 2, ч. 1. 416 с.

14. Новосибирск. 100 лет. События. Люди. Новосибирск, 1993. 473 с.

15. Казанский П.А. Из воспоминаний П.А. Казанского // Революционные события и гражданская война в Алтайской губернии. 1917–1922: Хрестоматия. Барнаул, 2001. С. 18–28.

16. Дробченко В.А. Кузбасс в вихре революций: Общественно-политическая жизнь края в марте – мае 1918 г. Томск, 2008. 662 с.

17. Кожевин В.Л. К истории первых дней революции 1917 года в Омске // Омск – 300. Прошлое. Настоящее. Будущее: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Ч. 1. Омск, 2016. С. 172–175.

18. Кашиляк В.Н. Семипалатинск: От бургомистра до акима. Семей, 2007. 400 с.

19. Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы. Тюмень, 2000. 583 с.

20. Яковенко А.В., Гахов В.Д. Томские губернаторы. Томск, 2012. 223 с.

21. Архангельский В.Г. Первый месяц Февральской революции 1917 г. в Иркутске // Вольная Сибирь (Прага). 1927. № 2. С. 41–61.

22. Ларьков Н.С., Чернова И.В. Полицейские, комиссары, начальники (руководители правоохранительных органов губернии, округа и области в XIX–XX вв.). Томск, 1999. 184 с.

23. Новикова Т.М. Восточносибирские епархии Русской православной церкви и события Февраля 1917 г. // 1917 год в российской и мировой истории. Материалы Междунар. науч. конф. Красноярск, 2007. С. 389–393.

24. Казарян П.Л. История Верхоянска. Изд. 2-е. Якутск, 2003. 206 с.

25. Бабикова Е.Н. Двоевластие в Сибири. Томск, 1980. 180 с.

26. Ларьков Н.С. Начало гражданской войны в Сибири: Армия и борьба за власть. Томск, 1995. 252 с.

27. Томский некрополь. Списки и некрологи погребенных на старых томских кладбищах. 1827–1939. Томск, 2001. 328 с.

28. Шиловский М.В. Почему Красноярск в 1917 г. стал сибирским Кронштадтом? // 1917 год в российской и мировой истории: Материалы Междунар. науч. конф. Красноярск, 2007. С. 241–245.

REFERENCES

1. Shilovskiy M.V. To the anniversary of the disgraced revolution. *Russkaya revolyutsiya v kontekste istorii: Materialy regionalnoy nauch. konf.* Tomsk, 2008, pp. 61–71. (In Russ.)
2. Kokoulin V.G. Novonikolayevsk in the years of the Revolution, Civil War and «Military Communism» (February 1917 – March 1921). Novosibirsk, 2010, 400 p. (In Russ.)
3. Kokoulin V.G. Tomsk in the years of the Revolution and Civil War (February 1917 – December 1919). Novosibirsk, 2012, 312 p. (In Russ.)

4. *Kokoulin V.G.* Altay in the years of the Revolution, Civil War and «Military Communism» (February 1917 – March 1921). Novosibirsk, 2013, 456 p. (In Russ.)
5. *Kokoulin V.G.* Everyday life of the Siberian town dwellers in the years of WWI and the Revolution (July 1914 – March 1921). Novosibirsk, 2013, 385 p. (In Russ.)
6. *Kokoulin V.G.* Omsk in the years of the Revolution: power structures, political struggle and everyday life (February 1917 – May 1918). Novosibirsk, 2016, 404 p. (In Russ.)
7. *Shilovsky M.V.* Political processes at Siberia during the period of social cataclysms of the 1917–1920. Novosibirsk, 2003, 428 p. (In Russ.)
8. *Shilovsky M.V.* World War I (1914–1918) and Siberia. Novosibirsk, 2015, 330 p. (In Russ.)
9. *Dorokhov V.G.* Tomsk Governorship gendarme department before the February revolution of 1917. *1917 god v rossyskoy i mirovoy istorii. Materialy Mezhdunar. nauch. konf. Krasnoyarsk*, 2007, pp. 276–280. (In Russ.)
10. *Fedorov V.I.* Yakutia in the epoch of wars and revolutions (1917–1919). Novosibirsk, 2010, vol. 2, 359 p. (In Russ.)
11. *Romanov N.S.* Chronicle of the Irkutsk city of 1902–1924. Irkutsk, 1994, 560 p. (In Russ.)
12. *Serebrennikov I.I.* Standed yet against the fate strikes. Diary of 1914–1918. Irkutsk, 2008, 592 p. (In Russ.)
13. Social and political life of Tomsk governorship in 1880–1919. Tomsk, 2013, vol. 2, pt. 1, 416 p. (In Russ.)
14. Novosibirsk. 100 years. Events. People. Novosibirsk, 1993, 473 p. (In Russ.)
15. *Kazansky P.A.* From the memoirs of P.A. Kazanskiy. *Revolyutsionnye sobytiya i grazhdanskaya voyna v Altayskoy gubernii. 1917–1922: Khrestomatiya*. Barnaul, 2001, pp. 18–28. (In Russ.)
16. *Drobchenko V.A.* Kuzbass in the Revolution whirl: social-political life of the region in March – May, 1918. Tomsk, 2008, 662 p. (In Russ.)
17. *Kozhevin V.L.* To the history of the first revolutionary days of 1917 in Omsk. *Omsk – 300: Proshloe. Nastoyashchee. Budushcheye: Materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* Omsk, 2016, pt. 1, pp. 172–175. (In Russ.)
18. *Kashlyak V.N.* Semipalatinsk: from Burgomistr to Akim. Semey, 2007, 400 p. (In Russ.)
19. Siberian and Tobolsk governors: historical portraits, documents. Tyumen, 2000, 583 p. (In Russ.)
20. *Yakovenko A.V., Gakhov V.D.* Tomsk governors. Tomsk, 2012, 223 p. (In Russ.)
21. *Arkhangelsky V.G.* The first month of the 1917 February revolution in Irkutsk. *Volnaya Sibir (Praga)*, 1927, no. 2, pp. 41–61. (In Russ.)
22. *Larkov N.S., Chernova I.V.* Chief of police, commissioners, superiors (heads of the law-enforcement bodies of governorship, district and region in the 19th–20th centuries). Tomsk, 1999, 184 p. (In Russ.)
23. *Novikova T.M.* East-Siberian eparchy of the Russian Orthodox church and events of the 1917 February. *1917 god v rossyskoy i mirovoy istorii. Materialy Mezhdunar. nauch. konf. Krasnoyarsk*, 2007, pp. 389–393. (In Russ.)
24. *Kazaryan P.L.* History of Verkhoyansk. 2nd ed. Yakutsk, 2003, 206 p. (In Russ.)
25. *Babikova Ye.N.* Dual power in Siberia. Tomsk, 1980, 180 p. (In Russ.)
26. *Larkov N.S.* The Civil war beginning in Siberia: the army and struggle for power. Tomsk, 1995, 252 p. (In Russ.)
27. Tomsk necropolis. Lists and obituaries buried in the old cemetery of Tomsk. 1827–1939. Tomsk, 2001, 328 p. (In Russ.)
28. *Shilovsky M.V.* Why Krasnoyarsk in 1917 became the Siberian Kronstadt? *1917 v rossiiskoi i mirovoi istorii. Materialy Mezhd. nauch. konf. Krasnoyarsk*, 2007, pp. 241–245. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 26.01.2017